

Чему иностранные вузы могут научиться на опыте США

Стивен Бринт

*Стивен Бринт — заслуженный профессор социологии и публичной политики, руководитель исследовательского проекта **Colleges & Universities 2000**, Калифорнийский университет в Риверсайде (США). E-mail: steven.brint@ucr.edu.*

В моей книге *Two Cheers for Higher Education: Why American Universities Are Stronger Than Ever — and How to Meet the Challenges They Face*, вышедшей недавно в издательстве Принстонского университета, я доказываю, что успех американской системы высшего образования обусловлен крупными инвестициями, поступающими из множественных источников, в сочетании с пусть и не всегда, но все же гармоничным взаимовлиянием трех созидательных «закономерностей развития».

В сравнении с остальными странами мира, в большинстве из которых система высшего образования зависит от государства, американская система отличается многообразием доступных вузам источников дохода: к ним относятся федеральные средства и научные бюджеты штатов, субсидии на уровне штатов, плата, взимаемая со студентов, и поддержка благотворителей. По данным на 2015 год, федеральное правительство выделило 65 млрд долларов США только на финансовую помощь студентам, а также обеспечило льготных кредитов на сотни миллиардов долларов и выделило университетам научно-исследовательских грантов более чем на 30 млрд долларов. Кроме того, многомиллиардные суммы предоставили доноры. Сложно недооценивать значение этих многочисленных и относительно щедрых источников дохода.

Под «закономерностями» развития я понимаю сочетание руководящих идей с институциональными практиками. Первую закономерность можно назвать традиционной: она заключается в целенаправленной разработке и передаче новых знаний по различным дисциплинам (и в новых областях). Я также называю это академическим профессионализмом. Он лежит в основе всего и обеспечивает нужную университетам автономность от государственных и экономических приоритетов. В период после 1980 года колледжи и университеты подверглись воздействию двух сил: с одной стороны, началось использование университетских исследований для продвижения экономического развития путем разработки новых технологий, которые обладали бы экономическим потенциалом. С другой стороны, обеспечивая новые возможности для представителей некогда маргинализированных

групп, вузы стали преобразовываться в инструменты социальной интеграции. Я утверждаю, что благодаря своим высокопоставленным сторонникам две эти разнонаправленные силы в сочетании с традициями академического профессионализма способствовали формированию особенной динамики.

Текущий масштаб и объемы финансирования высшего образования в США — это результат более чем столетнего развития, и перенести американский опыт на другие страны было бы довольно трудно. Тем не менее реформаторам образовательных систем из других стран было бы, безусловно, полезно изучить опыт США.

Чему стоит поучиться

С точки зрения развития науки очень ценно, что ресурсы концентрируются в небольшой группе перво-классных вузов. Каждой стране нужны вузы, на которые возлагают большие ожидания, которые обладают обширными ресурсами и в которых уровень научной дискуссии не поддается негативному влиянию внешних для академической среды сил. Постепенное увеличение числа таких вузов должно стать для стран всего мира стратегической целью. В США находится 35–40 вузов такого типа — университетов мирового класса.

Максимально широкая свобода слова и исследовательская свобода в совокупности с традициями бескомпромиссной критики всегда способствовали научно-исследовательским прорывам в первоклассных академических институтах. Максимальное расширение источников дохода (студенты, государственные субсидии, доноры, фонды, организации по поддержке науки) помогает вузам обезопасить себя от проблем ресурсозависимости, которые иногда приводят к ограничениям основополагающих свобод.

По имеющимся данным, предприимчивость коррелирует с содержательным вкладом в решение исследовательских задач. Ключевые производители научного знания также, как правило, становятся лидерами в развитии новых технологий, обладающих коммерческим потенциалом. В конце концов, новаторам ведь нужна обратная связь от экспертов о том, могут ли их открытия вообще быть использованы. В книге я описываю пример конкуренции между различными группами исследователей, разрабатывавшими ингибиторы протеазы ВИЧ. Группа, первой опубликовавшая свои результаты, совершила в своих изысканиях одну ошибку. Руководитель второй группы быстро ее заметил и исправил. Опыт США показывает, что управление взаимопересечениями между университетами и промышленным сектором вовсе не обязательно представляет угрозу базовым механизмам производства знаний в университетах.

Способы взаимодействия между университетскими исследователями и компаниями с целью налаживания взаимовыгодных связей не ограничиваются

регистрацией патентов или лицензий и научными исследованиями по контракту. Они также включают в себя трудоустройство выпускников компаниями, которые извлекают коммерческую выгоду из новых изобретений; привлечение компаниями сотрудников вузов в качестве научных советников; организацию творческих отпусков в университетских лабораториях для корпоративных исследователей, а иногда даже налаживание открытого исследовательского сотрудничества с целыми группами отраслей. Вузы, расположенные в регионах, где процветают высокотехнологичный бизнес и медицинские центры, могут брать пример с Калифорнийского университета в Сан-Диего или с Техасского университета в Остине, встраиваясь в уже существующую экосистему потенциальных компаний-партнеров, одновременно с этим поддерживая запуск стартапов, дополняющих потенциал уже имеющихся компаний. Вузам, расположенным в регионах с такими благоприятными экономическими условиями, нужно самостоятельно культивировать наукоемкую экономику, вовлекая сотрудников и студентов в предпринимательскую деятельность. Как показано в моей книге, опыт государственных университетов Колорадо, Мичигана и Юты доказывает эффективность подобной стратегии.

Чего стоит остерегаться

Расширение возможностей, которые стали доступны выходцам из бедных и малообразованных семей и представителям меньшинств, оказалось катализатором вертикальной мобильности в обществе и обогатило образовательный ландшафт американских университетов. В то же время в некоторых вузах это привело к введению ограничений на то, какие высказывания считать политически приемлемыми, а какие нет. Подобные ограничения идут вразрез с традициями свободы слова и исследовательской свободы, которые являются ключевыми элементами университетской среды. В некоторых вузах упор на социальную интеграцию привел к смещению приоритетов — с высоких академических стандартов на социальную репрезентативность. Можно предположить, что другим странам лучше удастся интегрировать многообразный студенческий контингент в ценностно-рациональные рамки, в которых, безусловно, главенствуют традиционные нормы научно-исследовательского мира.

Естественно, в странах, где государственные субсидии на высшее образование сокращаются, необходимо взимать со студентов плату за обучение; соответственно, необходима система кредитования студентов. Большинство студентов не сталкивается с неподъемными долгами, но это вряд ли утешит то меньшинство, которое состоит из людей, накопивших огромные долги, но не сумевших найти подходящую работу. Основная проблема американской системы кредитования студентов заключается в том, что от должников требуют расплатиться еще до того, как они закрепятся на рынке труда. Существует решение,

которое уже успешно реализуется во многих странах, включая Англию и Австралию, а именно — хорошо продуманная единая система погашения кредитов, при которой размер выплат зависит от дохода.

По имеющимся данным, предприимчивость коррелирует с содержательным вкладом в решение исследовательских задач.

Другая серьезная проблема — развитие человеческого капитала среди студентов бакалавриата. Если не брать в расчет меньшинство — 10–15% американского студенчества, — молодежь учится меньше, чем могла бы. Ответственность за перемены лежит на преподавательском и административном составе вузов. Власти могли бы выделить дополнительное финансирование на сознательные усилия по профессионализации преподавательской деятельности на уровне бакалавриата. Основы эффективного преподавания уже давно хорошо известны благодаря когнитивистике и тысячам хорошо продуманных и проведенных исследований в области обучения. Существуют инструменты вроде перечня педагогических практик Вимана и Гильберта, позволяющие преподавателям оценивать собственные педагогические практики, которые, согласно исследованиям, важны для понимания студентами изучаемого материала и овладения им. Стоит также уделять внимание различным формам контроля, например онлайн-тестам по прочитанному материалу, проводимым до аудиторных занятий.

Основным недостатком сложившейся сейчас в США системы является массовый наем низкооплачиваемых и зачастую плохо подготовленных преподавателей-внештатников. Исследования показывают, что такие сотрудники, как правило, менее эффективны, вузы создают для них ужасные условия труда и платят мизерную зарплату. Было бы хорошо, если бы больше вузов следовало примеру Калифорнийского университета и нанимало вместо внештатников постоянных преподавателей, отобранных по итогам тщательной оценки педагогических качеств кандидатов и знания ими литературы об эффективных педагогических практиках, обеспечивая им гарантию занятости.

.....